

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Орчакова Л.Г., Синин Е.Ю. Григорий Зиновьев: терзания и метания оппозиционера (1927–1934 гг.) //

Исторический журнал: научные исследования. 2024. № 2. DOI: 10.7256/2454-0609.2024.2.69722 EDN: FVBBFY

URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69722

Григорий Зиновьев: терзания и метания оппозиционера (1927–1934 гг.)

Орчакова Лариса Геннадьевна

ORCID: 0000-0001-9559-9930

доктор исторических наук

профессор, департамент истории, Московский городской педагогический университет

129226, Россия, г. Москва, пр-д 2-Ой сельскохозяйственный, 4 кор 3, ауд. 3413

✉ luchlg@yandex.ru

Синин Евгений Юрьевич

ORCID: 0000-0002-1444-5217

аспирант, департамент истории Института гуманитарных наук, Государственное автономное образовательное учреждение "Московский городской педагогический университет"

129226, Россия, г. Москва, пр-д 2-Ой сельскохозяйственный, 4 кор 3, ауд. 3413

✉ e.sinin@yandex.ru

[Статья из рубрики "Личность в истории"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2024.2.69722

EDN:

FVBBFY

Дата направления статьи в редакцию:

31-01-2024

Дата публикации:

10-02-2024

Аннотация: Предметом статьи выступает политическое поведение одного из крупнейших оппонентов Сталина – Григория Евсеевича Зиновьева – в период между его первым исключением из партии в конце 1927 г. и арестом по обвинению в убийстве Кирова в

декабре 1934 г. Анализируются письма, речи и заявления Зиновьева к партруководству, посредством которых он пытался достичь главной цели – возврата в партию и к политической деятельности. Устанавливается наличие у Зиновьева внутренней борьбы между публичными выступлениями и сохранением собственных политических установок. Эти «терзания» и «метания» вызвали недоверие к Зиновьеву со стороны руководителей партии и привели героя сначала к психологическому надлому, а затем к политической смерти. В качестве инструментария используется материалистическая концепция (в частности – исторический детерминизм). Также применяется метод психоистории, для анализа внутреннего мира политика и мотивация его поступков. Анализ деятельности Зиновьева, как яркого примера политического поведения коммунистического оппозиционера позволяет сделать следующие выводы: 1) Поведение Зиновьева в рассматриваемый период определялось возвратом в партию, желательно – на руководящую работу. Основой для достижения цели было признание невозможности дальнейшей оппозиционной борьбы, могшей привести к расколу ВКП(б), а также общее согласие с начавшейся политикой коллективизации и индустриализации; 2) Содержание обращений Зиновьева в различные руководящие инстанции, включая И. В. Сталина, менялось сообразно с обстановкой внутри партруководства. 3) Расчет был не просто вернуться в партию и в руководство, а принять участие на стороне Сталина в борьбе с Бухариным. Партруководство видело это и использовало для психологического слома. 4) Некорректно считать политическое поведение Зиновьева классическим «двурушничеством». Он не вёл антипартийной работы и не отвергал основы партийной линии. Но его поведение привело в конце 1932 г. к психологическому надлому и отказу от собственного политического «Я». Окончательно зиновьевские «терзания» и «метания» прекратились в конце 1934 г. Он умер как политик. Научная новизна статьи заключается в самой постановке вопроса, введение в научный оборот неопубликованных документов Зиновьева, рассмотрение через одного из лидеров партии и оппозиционера механизма усиления личности Сталина.

Ключевые слова:

Григорий Евсеевич Зиновьев, зиновьевцы, оппозиционер, левая оппозиция, внутрипартийная борьба, двурушничество, Иосиф Виссарионович Сталин, Всесоюзная Коммунистическая партия, тоталитаризм, культ личности

Судьбы оппозиционеров в ВКП(б) 1920-1930-х гг. трагичны. При В. И. Ленине выступление против линии партии каралось относительно мягко: лидера рабочей оппозиции А. Г. Шляпникова даже не смогли исключить из ЦК с первого раза^[1]. Однако, уже в середине 1920-х гг. критиков генеральной линии принуждали к «разоружению перед партией», а оппозиционность как таковая осуждалась ^[47, с. 327–332]. Людей стали исключать из ВКП(б) и арестовывать. Желавшие вернуться в партию должны были публично отказаться от прошлых деяний и взглядов в пользу сталинских позиций ^[37, с. 156]. Оппозиционеры становились перед дилеммой: «своя» партия наносит удар – надо взять на себя грех (даже если его не было), или упорствовать в нём под угрозой репрессий ^[3, с. 161–162].

Многие выбрали первый путь, заверяя ЦК в преданности, даже если внутри имели иную точку зрения. По оценке И. В. Сталина на XVII партсъезде (1934), «большинство сторонников... антиреволюционных групп вынуждено было признать правильность линии

партии и капитулировать перед партией», экономические успехи пятилетки «окончательно деморализовали и разбили в прах все и всякие антиленинские группировки», а «партия сплочена теперь воедино, как никогда раньше» [46, с. 28]. На съезде с покаянными речами выступили многие из бывших лидеров оппозиции: Н. И. Бухарин, Л. Б. Каменев, А. И. Рыков, Г. Е. Зиновьев и др. [46, с. 124–128, 209–212, 492–497, 516–521]. Однако, все они, а также 1108 из 1968 делегатов, были вскоре необоснованно репрессированы по обвинениям в контрреволюционной деятельности, причём четыре вышеуказанных лица и 848 делегатов были расстреляны [20, с. 17]. Репрессии объяснялись «двурушничеством», т. е. неискренним согласием с политикой партии при злонамеренном сохранении своих взглядов и ведении антипартийной работы [14, с. 276–278, 311–312, 331–332]. Как продемонстрировали исследования начала XXI века и с чем стоит согласиться, большинство выдвинутых обвинений были мнимы, но само «двурушничество» имело свою почву [37, с. 310–312].

Явление «двурушничества» интересно для историков и политиков, как практика политического поведения оппозиционеров перед лицом сталинизма. Анализ практики внутрипартийной и политической жизни Советского государства на рубеже 1920–1930-х гг., на примере поведения одного из лидеров партии и активного участника оппозиции даёт возможность проследить непосредственный закат оппозиционеров. Кроме того, через развитие взаимоотношений партийно-советского руководства с оппозицией можно показать механизмы формирования сталинизма, как формы существования Советского государства в 1930–1950-е гг.

Григорий Евсеевич Зиновьев принадлежал к когорте создателей и вождей большевистской партии, пестовал её «монолитное единство». Ещё в 1924–1925 гг. он требовал от оппозиции публичного покаяния, провозглашал единство партии высшей ценностью и заявлял, что «партия – не дискуссионный клуб» [9, с. 236; 11, с. 352–356; 43, с. 106]. Но уже в конце 1925 г. Г. Е. Зиновьев критикует сталинскую позицию о возможности окончательной победы социализма в СССР без мировой революции [4, с. 121, 131–133; 11, с. 259–348]. В разрез с его мировоззренческой позицией проводилась и политика уступок кулачеству. На XIV съезде ВКП(б) в декабре 1925 г. точка зрения Григория Евсеевича и его сторонников (зиновьевцев) подверглась осуждению [44, с. 971–973]. В 1926–1927 гг. Г. Е. Зиновьев составил вместе с Л. Д. Троцким и Л. Б. Каменевым «объединённую оппозицию». Однако, оппозиция не нашла широкой поддержки, встав осенью 1927 г. выбором: или переход к внепартийной работе, или подчинение ЦК на его условиях. Л. Д. Троцкий выступил против условий ЦК, а Г. Е. Зиновьев, боясь раскола партии, решил публично признать сталинские установки, но продолжить идейную борьбу [15, с. 240–242, 245, 248, 253; 27, л. 152; 28, л. 89–91; 29, л. 83–84; 33, л. 72.]. В черновике статьи «Некоторые факты о совещании ленинградской оппозиции» от 28 ноября 1927 г. Г. Е. Зиновьев предлагал «подчиниться 15 съезду, ибо “иначе вторая партия неминуема” <...> идти на... это, по нашему мнению, верная гибель» [29, л. 83–84]. На съезде (декабрь 1927) И. В. Сталин в своей речи действительно потребовал полного подчинения оппозиционеров, добавив: «либо так, либо пусть уходят из партии. А не уйдут—вышибем» [45, с. 82]. Съезд объявил троцкистско-зиновьевские идеи несовместимыми с членством в партии, при этом Г. Е. Зиновьев и Л. Д. Троцкий были исключены из партии ещё до съезда [45, с. 1318].

С середины 1920-х гг. линия поведения Григория Евсеевича могла казаться непоследовательной. По отношению к партии, как отмечал А. В. Луначарский, его

отличает «романтическая преданность» [\[17, с. 298\]](#). Но такое отношение к партии не исключало участия в партийных дискуссиях и оппозициях. Уже будучи в оппозиции, Григорий Евсеевич в 1926 г., анализировал в черновиках причины и следствия дискуссий, вопрошая: «возможно ли тем не менее единство» [\[27, л. 82\]](#). Даже на исключившем его из ЦК октябрьском пленуме 1927 г. он, отстаивая оппозиционные тезисы, поддержал единство партии и правомочность её руководства [\[19, с. 121, 181\]](#). Создание же параллельной ВКП(б) партии Г. Е. Зиновьев считал недопустимым [\[25, л. 39\]](#). Исключение из ВКП(б) было для Г. Е. Зиновьева ударом. После своего исключения из партии он присоединился к заявлению о прекращении оппозиционной борьбы и попросил о восстановлении в партии, на что получил отказ с предложением обратиться через полгода [\[45, с. 1319, 1333-1336\]](#).

Поскольку Г. Е. Зиновьев был не рядовым партийцем, а одним из бывших вождей, то его возврат в ВКП(б) и политику решался на высшем уровне: Центральной контрольной комиссией (ЦКК), Центральным комитетом, Политбюро и лично И. В. Сталиным. Именно этот период интересен для исторического анализа. Происходит внутренняя борьба мысли, души, понимания собственных политических целей и места в системе. С конца 1927 г. и до ареста по делу об убийстве С. М. Кирова в декабре 1934 г. наш герой обращается с письмами и заявлениями, которых достаточно много сохранилось в архивных фондах, к партруководству. Их анализ и позволяет проследить эти «метания» государственного и политического лидера советского государства.

Ноябрьский объединённый пленум ЦК и ЦКК 1927 года исключил Г. Е. Зиновьева, как и ряд других оппозиционеров, из большевистской партии. Это стало для него ударом а, но он не согласился с таким положением вещей и сразу после исключения из партии занялся возвратом в неё. 23 декабря 1927 г. он обратился в ЦКК, а 27 января 1928 г. в «Правде» вышло совместное с Л. Б. Каменевым письмо с осуждением троцкизма [\[15, с. 257; 35, л. 15-17\]](#). Моральное состояние Г. Е. Зиновьева, по свидетельству встретившегося с ним в начале января 1928 г. Н. И. Бухарина, было подавленным: он соглашался идти на любые уступки ради возврата в РКП(б) [\[8, с. 419-420\]](#). Пока же его вместе с Л. Б. Каменевым отправили в ссылку в Калугу [\[8, с. 412\]](#). В то же время разворачиваются исторические события, явившиеся для самой оппозиции предметом споров и столкновений. В конце 1927 г. случился кризис хлебозаготовок и партруководство искало пути решения проблемы. В январе 1928 г. состоялась поездка И. В. Сталина в Сибирь, в ходе которой он принял решение радикально сменить относительно мягкую к кулачеству политику [\[8, с. 413-415; 41, с. 148-153, 157\]](#). В передовице «Правды» от 15 февраля намечались задачи хлебозаготовок в духе нажима на кулака и выполнения во что бы то ни стало плана сбора зерна [\[21\]](#).

Начавшийся «левый поворот» привёл к переходу многих оппозиционеров от борьбы с ЦК к сотрудничеству с ним [\[6\]](#). Стоявший в годы оппозиционной борьбы на антикулацких позициях Г. Е. Зиновьев положительно оценил содержащиеся в передовице выводы [\[27, л. 162\]](#). А в датированной 10 марта 1928 г. статье «Долг большевика» он писал, что оппозиционерам необходимо признать: «в этих коренных вопросах, определяющих ближайшие судьбы партии и государства ЦК проводит правильную, ленинскую линию» [\[26, л. 4\]](#). Поскольку идеологические разногласия ликвидированы, то следовало «твердо и до конца подчиниться Партии, сделать все для восстановления единого фронта

ленинцев, встать в ряды и шеренгу, взять на себя свою долю ответственности за работу и линию партии, как полагается солдату пролетарской революции» [26, л. 15]. Просил Г. Е. Зиновьев об этом и генсека: в зиновьевском фонде в РГАСПИ имеется текст об отправке им и Л. Б. Каменевым 1 марта 1928 г. письма И. В. Сталину и Н. И. Бухарину с заявлением об устранении всех прошлых разногласий [27, л. 163].

«В ряды и шеренгу» Г. Е. Зиновьева вернули 22 июня 1928 г., поскольку за прошедшие после исключения из ВКП(б) полгода против генеральной линии публично он уже не выступал [8, с. 423]. Принятие генеральной линии к концу 1920-х гг. требовалось уже отнюдь не словесное, а в формате «идейного и организационного разоружения». Ещё 23 октября 1926 г. И. В. Сталин, полемизируя на пленуме ЦК с оппозицией, требовал от неё: «откажитесь от ваших книг, ваших брошюр, от своих речей на 14-м съезде» [8, с. 380-381]. Г. Е. Зиновьев был одним из лидеров той оппозиции, на XIV съезде оппонировал генсеку в содокладе, а написанная им в 1925 г. книга «Ленинизм» была названа Н. И. Бухариным евангелием оппозиции [18, с. 217]. Получается, возврат в 1928 г. в партию требовал от Григория Евсеевича отказа от «своих книг». Однако, в датированной 15 июля 1928 г. статье «Некоторые черты современного положения (к моменту нашего возвращения в партию)» Г. Е. Зиновьев недвусмысленно писал: «Само большинство ЦК повторяет теперь многое из того, что мы говорили на XIV съезде. Сталинские речи полными пригоршнями черпают из книги Зиновьева «Ленинизм», которая... выдержала испытание времени и оказалась целиком верной» [26, л. 41]. Таким образом, Г. Е. Зиновьев при публичном согласии со сталинской линией внутри сохранял собственную точку зрения, которую считал «ленинской».

Конечно, к этому времени Г.Е. Зиновьев был опытным политиком и консолидация собственного мнения со сталинским «левым поворотом» стало точкой политических расчётов. Основанием этого могла служить начавшаяся борьба сталинцев с «правым уклоном» Н. И. Бухарина. В июне 1928 г. Г. Е. Зиновьев писал в черновиках, что оппозиционерам сейчас не стоит прямо говорить о собственной правоте по вопросу коллективизации, ибо «перегруппировка в партии и в её руководстве неизбежна, раз новый курс (на коллективизацию – прим.) взят всерьёз. Но – нужно время. Вероятно, нужен год» [26, л. 58]. Г. Е. Зиновьев надеялся, что в ходе упорной борьбы в верхах могли привлечь как ценных игроков и его, и его сторонников. Действительно, 11 июля 1928 г. в Москве встретились Л. Б. Каменев и пока ещё член Политбюро Н. И. Бухарин, заверявший, что сталинцы будут пытаться привлечь зиновьевцев к себе и предлагавший им не нападать на «правых» [8, с. 422; 15, с. 259-261]. К соглашению с Н. И. Бухариным не пришли, но сюжет о своём вероятном привлечении в верха продолжал обсуждаться зиновьевцами. Л. Б. Каменев писал 18 июля бывшему оппозиционеру А. Я. Гуральскому: «Только дураки могут считать, что у Ст[алина] – всё левая истина, а у Бух[арина] – всё правая скверна. И будто бы мы должны выбирать между двумя этими «политиками». Ерунда это! Мы... правы в основном <...> Б[ухарин] прибежал без всяких авансов с нашей стороны. В известный момент могут прибежать и его противники, тоже без предварительных авансов с нашей стороны, кроме того аванса, который всем известен: наших взглядов за два года» [22, л. 19]. Мнение Льва Борисовича стоит признать релевантным и для Г. Е. Зиновьева, поскольку они были в тандеме как во власти, так и после исключения из ВКП(б) с конца 1927 г. они вместе были в ссылке в Калуге, сообща принимая важные решения. Причём Г. Е. Зиновьев был весьма информирован о состоянии дел в верхах, в т. ч. получая от работавшего в Москве бывшего оппозиционера Р. Е. Гринберга материалы [34, л. 47-133]. От него шли копии

правительственных документов (включая даже тезисы к Политбюро), информация о состоянии дел у троцкистов и начавшихся на почве развёртывания коллективизации спорах между сталинцами и бухаринцами [\[34, л. 47-49, 62-63, 78-81, 91-93, 104-106\]](#). Остаться рядовыми партийцами Г. Е. Зиновьев и Л. Б. Каменев не были намерены, несмотря на выраженное совместно с Л. Б. Каменевым мнение: «в партийных делах мы поставлены в положение "иностранцев на родной земле", а порученная нам советская работа не соответствует ни кругу наших интересов, ни нашему предшествующему опыту» [\[15, с. 269\]](#).

Вернувшись в 1928 г. в партию, Г. Е. Зиновьев рассчитывал на возврат в руководство, встав на сторону И. В. Сталина в борьбе с Н. И. Бухариным, полагая, что текущая политика подтверждает правоту его идей. Правда, пока на повестке дня у Г. Е. Зиновьева стояло не сколько участие в борьбе внутри Политбюро, столько отвод от себя всяких подозрений в оппозиционности. В отличие от отказавшихся «каяться» перед партией сторонников Л. Д. Троцкого, Г. Е. Зиновьев не только это сделал, но и в черновых статьях середины 1928 г. прямо этим гордился из-за того, что отказом от создания второй партии он устранил раскол ВКП(б) [\[26, л. 58\]](#). Но искренность «покаяния», понимаемого сталинским ЦК как полный отказ оппозиционера от действий и идей, можно было поставить под сомнение, о чём свидетельствует ряд документов. В фонде Г. Е. Зиновьева в РГАСПИ отложилось стихотворение неизвестного автора под названием «Покаянное». В нём встречаются такие строки: «Забыта прежняя крамола - / лишь напиши 15 строк. / <...> Так, с прошлым разорвав контракт, / Свершаю покаянья акт / <...> Пора спокойная настала, / Прошла дискуссий череда, / Я верю в то, что Коба-Сталин / Незыблемо прав всегда» [\[30, л. 153-154\]](#). Как видно по вышеприведённой позиции Г. Е. Зиновьева, публично он «с прошлым разорвал контракт», но «веры» в то, что «Коба-Сталин неизменно прав всегда» у него не возникло. Видели это и его близкие. 10 февраля 1928 г. вышеупомянутый Р. Гринберг писал секретарю Г. Е. Зиновьева Б. В. Богдану о реакции бывших оппозиционеров на размещённое 27 января в «Правде» покаянное письмо Г. Е. Зиновьева и Л. Б. Каменева: большинство одобрило это, но «во многих письмах имеются такие места: "Не может же все-таки быть, чтобы они действительно отказались от своих взглядов и т.п."» [\[34, л. 49\]](#). Документы свидетельствуют, что И. В. Сталин и члены ЦК также не верили в искренность зиновьевских покаяний. В начале 1929 г. генсек крайне негативно отреагировал на информацию о известной Г. Е. Зиновьеву встрече Н. И. Бухарина с Л. Б. Каменева, а 26 декабря 1929 г. вместе с Л. М. Кагановичем лично выразили Г. Е. Зиновьеву политическое недоверие [\[8, с. 440; 15, с. 261-267\]](#).

Все эти обстоятельства, а также особенности характера Г. Е. Зиновьева, сподвигли его к новым заверениям в лояльности. 17 апреля 1929 г. он попросил слова на XVI Партконференции ВКП(б), в котором «хотел бы заявить о полной моей солидарности с линией ЦК» [\[31, л. 152\]](#). Но слова не дали. Зато возможность высказаться появилась на прохождении партийной чистки в Замоскворецкой районной контрольной комиссии 23 октября 1929 г., где Григорий Евсеевич заявил: «ЦК был прав, а я не прав: 1) в вопросе о строительстве социализма в нашей стране... и во всех других вопросах, по которым я вел борьбу против ЦК <...> Все решения ЦК против оппозиции... были правильными, как это доказано теперь опытом <...> Я... готов сделать абсолютно всё возможное, чтобы ликвидировать недоразумение» [\[24, л. 8-9\]](#). Поверили ли ему партийные товарищи? Скорее всего, нет, поскольку 25 декабря Политбюро решило применить к Г. Е. Зиновьеву и Л. Б. Каменеву «более строгий курс», а самого Григория Евсеевича перевести на

работу вне Москвы [\[8, с. 440; 15, с. 271\]](#).

Г. Е. Зиновьев в ответ лишь усилил попытки демонстрации раскаяния. В письме к И. В. Сталину от 28 декабря 1929 г. он называл его руководителем партии и просил оказать себе доверие, а в июне 19230 г. просил у Г. К. Орджоникидзе слова на XVI партсъезде [\[32, л. 15; 36, л. 171-172\]](#). Но доверия не оказали, и слова вновь не дали. Можно видеть, что по мере ужесточения партийной риторики в адрес оппозиционеров Г. Е. Зиновьев усиливал публичное согласие с линией ЦК и генсеком лично. Однако, в руководство его также не возвращали, намеченная им «перегруппировка» сроком в год привела к установлению сталинского единовластия: ранее предлагаемое Г. Е. Зиновьевым «коллективное руководство» было уже для генсека не актуальным [\[2, с. 173\]](#). Следовательно, Григорий Евсеевич должен был скорректировать своё политическое поведение, если желал вернуться к политической работе.

Как раз на рубеже 1929–1930 гг. Г. Е. Зиновьев получил хороший шанс. Высланный из СССР Л. Д. Троцкий выпустил свои мемуары «Моя жизнь». Они почти сразу попали в СССР и распространялись с ведома ЦК [\[39, с. 236\]](#). Летом 1930 г. прочёл «Мою жизнь» и дал отрицательную рецензию крупный советский историк-марксист С. А. Пионтковский [\[7, с. 334–336\]](#). В декабре 1931 г. в речи перед историками ближайший соратник генсека Л. М. Каганович назвал мемуары Л. Д. Троцкого «гнусной и хвастливой брошюрой». Направление критики задал сам И. В. Сталин: его статья «О некоторых вопросах истории большевизма» (1931), критиковавшая «троцкистскую контрабанду» в советской исторической науке, была ответом на мемуары и ряд других работ Л. Д. Троцкого [\[16, с. 4, 61\]](#).

Документы свидетельствуют о возможности и, главное, желании Г. Е. Зиновьева поучаствовать в антитроцкистской кампании. Он с 1929 по 1934 гг. имел доступ к собираемой в партархиве коллекции журнала Л. Д. Троцкого «Бюллетень оппозиции» [\[12, с. 294; 23, л. 13, 25\]](#). Там же Г. Е. Зиновьев в марте 1930 г. ознакомился и с мемуарами, оставив на них разгромный отзыв, надеясь: «Сталин не оставит без ответа книгу Троцкого. Но думаю, что я, во всяком случае, обязан со своей стороны ответить Троцкому. Надежды на напечатание ответа сейчас не имею. Но всё же запишу» [\[39, с. 236\]](#). Следов публикации зиновьевского ответа найти не удалось.

Можно предположить, что саму санкцию на ознакомление с троцкистскими материалами дал Г. Е. Зиновьеву именно И. В. Сталин, дабы держать его в психологическом «тонусе»; раз за разом даваемый Г. Е. Зиновьеву отказ от его услуг мог остудить политические амбиции оппозиционера. «Тонус» и остывшие амбиции хорошо видны в строчках из черновика неотправленного письма Г. Е. Зиновьева к И. В. Сталину (10 декабря 1930 г.): «год назад я Вам без всяких выкрутасов сказал прямо, что 1) я вижу Вашу правоту в борьбе против оппоз[иции] и, в частн[ости], против меня, 2) полностью поняв это, я уже давно смирил в себе «гордыню» и внутренне признал справедливость причиненных мне обид, 3) хочу и буду добросовестно работать под руководством ЦК и лично Вашим на всякой работе, какую дадите» [\[32, л. 2606\]](#). Подобный сюжет виден и в его письме И. В. Сталину от 4 мая 1932, где он просил «какую угодно, хотя бы самую скромную работу в ИККИ или в одной из братских партий (на легальную или нелегальную работу)», при это заверяя, что «ни малейшего шага в какой бы то ни было работе... не сделаю, если не буду на 100% уверен в том, что он соответствует линии ЦК» [\[32, л. 5506-56\]](#).

Уровень политических притязаний Г. Е. Зиновьева заметно снижался, да и с основами текущей политической линии он был согласен. Но сквозь соглашение, покаяние и заверения в преданности партии прорывались собственные мысли Григория Евсеевича, критика им частности проводимой политики [\[8, с. 450–452\]](#). Боле того, в сентябре 1932 г. он предложил Л. Б. Каменеву прочитать ему полученную от Я. Стэна тетрадь с написанной М. Н. Рютиным оппозиционной платформой «Сталин и кризис пролетарской диктатуры» [\[15, с. 273–274\]](#). Г. Е. Зиновьев и ранее знакомился с оппозиционной литературой, однако новые политические реалии не допускали даже этого, требуя полного идейного подчинения ЦК. Поэтому, когда платформу «Союза марксистов-ленинцев» раскрыло ОГПУ, то проверка коснулась и знавших о ней, в т. ч. Г. Е. Зиновьева [\[8, с. 456\]](#). На допросах в ЦКК 3 и 5 октября он сперва отрицал знакомство с текстом, а затем подтвердил его [\[8, с. 458–459\]](#). На вопрос зачем же он тогда читал его, Г. Е. Зиновьев ответил: «у меня есть интерес как политика» [\[8, с. 460\]](#). Данная фраза является характерным для Г. Е. Зиновьева примером «терзаний»: он уже не был политиком, а партия предписывала ему уйти от собственного мнения, но он им себя полагал и не переставал формулировать свои оценки происходящего.

Однако, именно дело Рютина по существу поставило крест на перспективах Г. Е. Зиновьева вернуться в верха. За недоносительство он 10 октября 1932 г. был вновь исключён из партии и, в отличие от прошлого раза, его сослали куда дальше – в казахстанский город Кустанай [\[15, с. 280–282\]](#). Осознавал ли Г. Е. Зиновьев, что началось его политическое уничтожение? Скорее всего, да. Перед отправкой в ссылку, 3 декабря 1932 г. Г. Е. Зиновьев написал в Секретариат ЦК письмо, в котором утверждал: «ясно отдаю себе отчет в том, что, если после всего происшедшего я когда-либо опять нарушил дисциплину партии, это означало бы навсегда вычеркнуть себя из рядов ВКП, а кто разрывает с большевистской партией, тот погиб как коммунист» [\[5\]](#). Даже больше: можно сказать, что внутри Г. Е. Зиновьева произошёл надлом. В том же письме видно существенное изменение риторики: Г. Е. Зиновьев теперь не рассчитывает на возврат в партруководство, но «понял до конца, что совершившееся сплочение Партии и всего Коминтерна вокруг тов. Сталина есть факт всемирно-исторического значения – ибо т. Сталин действительно оказался лучшим учеником и верным продолжателем дела Ленина» [\[5\]](#). В письме к И. В. Сталину от 8 мая 1933 г. он писал: «если после всего происшедшего я могу ещё рассчитывать на какое-либо снисхождение со стороны старых товарищей, то уже, конечно, в последний раз» [\[5\]](#). Те же мысли звучат в опубликованном в «Правде» 20 мая письме Г. Е. Зиновьева: «...зарвался и стал полагать, что правда на стороне моей... а не на стороне партии, её ЦК, тов. Сталина, истинного продолжателя дела Ленина», выразив надежду, что получит «возможность и право общаться с партией, с рабочей массой» [\[10\]](#). Г. Е. Зиновьев, хотя и был политически дискредитированным и психологически сломленным, всё равно хотел вернуться в партию, но даже в этой ситуации не мог отказаться от возможности выражать свое мнение, пусть даже пределы этого были малы.

В мае 1933 г. он был возвращён из ссылки, но не в ряды ВКП(б) [\[5\]](#). Ради второго Г. Е. Зиновьев прибегнул к проверенному средству – предложить И. В. Сталину публично заверить его в своей лояльности, попросив 8 декабря 1933 г. у генсека слова на предстоящем XVII партсъезде [\[5\]](#). И в этот раз его просьба была удовлетворена: 14 декабря его вернули в ВКП(б), а в конце января 1934 г. разрешили выступить на съезде [\[8, с. 469–470\]](#). В съездовской речи Г. Е. Зиновьев каялся в «антипартийных ошибках»,

стремлении «навязывать партии своё особое понимание ленинизма», указал, что был наказан партией «совершенно поделом», назвал И. В. Сталина подлинным преемником В. И. Ленина, а нынешний «триумф партии» охарактеризовал как «триумф руководства, триумф прежде всего того, кто возглавлял это руководство» [\[46, с. 492-497\]](#).

Съездовская речь была детально проработана Г. Е. Зиновьевым с точки зрения легитимации сталинского курса, в обмен ожидая дивиденды в виде получения политической работы [\[12, с. 287-288; 38, с. 135\]](#). Но для чего тогда Сталин, который прежде игнорировал зиновьевские раскаяния и не верил им, в этот раз дал ему слово? Надо отметить, что на XVII партсъезде предоставили возможность выступить всем крупным бывшим оппонентам генсека. Исследователи видят здесь прежде всего прагматику: И. В. Сталину нужна была демонстрации монолитности партии перед лицом нараставших угроз извне [\[40\]](#). Следует выделить ещё один аспект. XVII съезд ещё в момент работы был назван «съездом победителей». Однако, корректнее будет сказать «победителя» - И. В. Сталина. Генсек мог видеть, что все его бывшие оппоненты уже сломлены и не представляют политической опасности, поэтому их съездовские выступления не только не ослабили бы позиций партруководства, но и усилили бы его личную власть. Признание правоты И. В. Сталина из уст того же Г. Е. Зиновьева звучали весомо. Григорий Евсеевич был уже достаточно сломлен для правильных речей. Это заметила редакция издаваемого Л. Д. Троцким «Бюллетеня оппозиции»: «Зиновьев, который ряд лет находился в открытой или полумаскированной оппозиции к сталинской бюрократии, признал, наконец, после краткого пребывания в ссылке, что партийный режим Сталина есть лучший из режимов» [\[13\]](#).

Для Г. Е. Зиновьева не шла уже речь о сохранении собственной политической линии. Он стремился лишь остаться на плаву. В апреле 1934 г. его назначили в главный партийный теоретический журнал «Большевик» [\[8, с. 473\]](#). Однако, и там начались проблемы: Г. Е. Зиновьев стал отстаивать свои прежние взгляды по вопросу о мировой революции (её неизбежность в условиях новой империалистической войны), тогда как генсек видел корень вопроса не в мировой революции, а в выстраивании системы коллективной безопасности в Европе [\[8, с. 475\]](#). Когда же в июле в «Большевике» появилась публикация критически оценивавшая внешнюю политику царской России материалов Ф. Энгельса с комментарием в духе неизбежности мировой революции в случае новой мировой войны, то ЦК посчитало ответственным именно Г. Е. Зиновьева. Из редколлегии журнала он был удалён [\[8, с. 477-480\]](#). Новые прошения к И. В. Сталину успеха не принесли [\[8, с. 484-487\]](#). Григорий Евсеевич уже давно вышел из доверия.

Окончательной политической смертью героя стали события 1 декабря 1934 г. В организации убийства С. М. Кирова безосновательно обвинили зиновьевцев: как показывают текущие исследования, убийца действовал в одиночку и даже не принадлежал к кругу Г. Е. Зиновьева [\[42, с. 262-263\]](#). Но само обвинение зиновьевцев в этой трагедии И. В. Сталиным выглядело как логичное продолжение шедшей предыдущие годы игры: Григорий Евсеевич терзался, ему давали шансы проявить лояльность, он проявлял её при сохранении внутри собственного «Я», затем ему выражали недоверие, и он усиливал покаяния, постепенно теряя самого себя. «Потерял» себя Г. Е. Зиновьева именно на кировском деле. В январе 1935 г. Г. Е. Зиновьеву дали десять лет тюрьмы. 25 августа 1936 г. Григорий Евсеевич был расстрелян.

Заключение

Деятельность Г. Е. Зиновьева в период с конца 1927 г. по конец 1934 г. являлась ярким примером политического поведения коммунистического оппозиционера, на основе чего можно сделать ряд выводов:

1) Поведение Г. Е. Зиновьева в рассматриваемый период определялось главной целью – возвратом в партию, желательно – на руководящую работу. Основой для достижения цели было признание Г. Е. Зиновьевым невозможности дальнейшей оппозиционной борьбы, могшей привести к расколу ВКП(б), а также общее согласие с начавшейся политикой коллективизации и индустриализации.

2) Для достижения цели Г. Е. Зиновьев часто обращался в различные руководящие инстанции, включая И. В. Сталина. Конкретное содержание просьб Г. Е. Зиновьева было тесно связано с обстановкой внутри партруководства и менялось сообразно ей, из чего можно заключить об осознанном характере его многочисленных «покаяний» и заявлений об отказе от всякой оппозиционной деятельности.

3) Г. Е. Зиновьев действительно рассчитывал не просто вернуться в партию, но в её руководство, считая проводимую политику отображением своих идей и заняв сторону И. В. Сталина в борьбе с Н. И. Бухариным. Однако, партийное руководство политически не доверяло Г. Е. Зиновьеву, что регулярно доводило до его сведения. В ответ Г. Е. Зиновьев усиливал попытки доказать свою преданность генсеку, что вело к конфликту с его политическими амбициями. Партруководство видело эти амбиции и старалось их сломать, что ему и удалось сделать.

4) При этом политическое поведение Г. Е. Зиновьева в рассматриваемый период некорректно считать классическим «двурушничеством». Г. Е. Зиновьев не вёл антипартийной работы и не отвергал основы партийной линии, однако, внутри него шла борьба между публичным «покаянием» и сохранявшимися идейными установками. Наиболее ярко проявленная в первые годы после поражения во внутрипартийной борьбе, она привела в конце 1932 г. к психологическому надлому и отказу от собственного политического «Я», но ещё имела целью возврат к партийной деятельности. Окончательно зиновьевские «терзания» и «метания» прекратились в конце 1934 г. в связи с обвинениями в убийстве С. М. Кирова: он умер как политик.

Библиография

1. Аксютин Ю. Александр Шляпников//Научно-просветительский журнал «Скепсис» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://scepsis.net/library/id_3428.html?ysclid=lp2m37kdvc927910506 (дата обращения: 17.11.2023).
2. Апальков Д. И. Внутрипартийная борьба в ВКП(б): от «коллективного руководства» к сталинской диктатуре. – М.: АИРО-XXI, 2022. – 192 с.
3. Бри М. Открыть Ленина снова. Диалектика революции vs Метафизика господства. – М.: RLS (Moskau), Логос, 2017. – 192 с.
4. Войтиков С. С. Сталин против Зиновьева. – М.: Вече, 2022. – 544 с.
5. Григорий Зиновьев-Иосифу Сталину: "Ни в чем, ни в чем, ни в чем я не виноват перед партией..." // Российская газета. 24 августа 2023 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/2023/08/24/grigorij-zinovev-iosifu-stalinu-ni-v-chem-ni-v-chem-ni-v-chem-ia-ne-vinovat-pered-partiej.html?ysclid=ls0c8xv2e5200621325> (дата обращения: 30.01.2024).
6. Гусев А. В. Левокоммунистическая оппозиция в СССР в конце 20-х гг. // Отечественная история. – 1996. – № 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://archive.ph/YQ4t>. (дата обращения: 30.01.2024).

7. Дневник историка С. А. Пионтковского (1927–1934) / редкол.: Д. Бранденбергер (США), А. М. Дубровский, А. Л. Литвин (отв. ред. и вступ. ст.). – Казань: Казанский гос. ун-т, 2009. – 515 с.
8. Жуков Ю. Н. Григорий Зиновьев. Отвергнутый вождь мировой революции. – М.: Концептуал, 2021. – 560 с.
9. За ленинизм, против троцкизма (по поводу «Уроков Октября» тов. Троцкого). – М.: Молодая гвардия, 1925. – 242 с.
10. Заявление тов. Г. Е. Зиновьева // Правда. – 1933. – 20 мая.
11. Зиновьев Г. Е. Ленинизм: введение в изучение ленинизма. – Л.: Государственное издательство, 1925. – 400 с.
12. Зиновьев Г. Е., Жуков Ю. Н., Спицын Е. Ю. Заслуженный приговор. Ошибки и преступления «зиновьевской» оппозиции. – М.: Концептуал, 2022. – 400 с.
13. Зиновьев о режиме ВКП // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). – 1934. – № 38–39 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.1917.com/Marxism/Trotsky/BO/BO_No_38-39/BO-0397.html. (дата обращения: 30.01.2024).
14. История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. – М.: Партиздат, 1938. – 353 с.
15. Кочетова А. С. Лев Каменев: «Я не согласен». – М.: АФК Система; Политическая энциклопедия, 2022. – 463 с.
16. Краткий курс истории ВКП(б). Текст и его история: в 2 ч. Ч. 1: История текста "Краткого курса истории ВКП(б)" 1931–1956 / сост.: М. В. Зеленов, Д. Бранденбергер. – М: РОССПЭН, 2014. – 791 с.
17. Луначарский А. В., Радек К. Б., Троцкий Л. Д. Силуэты: политические портреты / Под общ. ред. В. В. Журавлева, В. Т. Логинова, А. П. Ненарокова. – М.: Политиздат, 1991. – 462 с.
18. Объединённый пленум ЦК и ЦКК ВКП(б). 14–23 июля 1926 г. Документы и материалы / сост., предисл. И. И. Кудрявцева. – М.: Научно-политическая книга, 2023. – 1202 с.
19. Объединённый пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 21–23 октября 1927 г.: Документы и материалы. – М.: Политическая энциклопедия, 2018. – 471 с.
20. Первое слово правды: Доклад Комиссии ЦК КПСС Президиуму ЦК КПСС по установлению причин массовых репрессий против членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранных на XVII съезде партии. 9 февраля 1956 г. / отв. ред. и авт. введения Г. М. Иванова; авт. послесловия А. К. Сорокин; сост. и авт. комментариев Т. М. Полянская, И. В. Удовенко. – М.: Музей истории ГУЛАГа, РГАСПИ, 2020. – 182 с.
21. Первые итоги хлебозаготовительной кампании и задачи партии // Правда. – 1928. – 15 февраля.
22. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 323. Оп. 2. Д. 161.
23. РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 9.
24. РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 512.
25. РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 2. Д. 45.
26. РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 2. Д. 46.
27. РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 2. Д. 49.
28. РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 2. Д. 50.

29. РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 2. Д. 55.
30. РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 2. Д. 60.
31. РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 2. Д. 73.
32. РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 2. Д. 74.
33. РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 2. Д. 75.
34. РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 2. Д. 77.
35. РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 2. Д. 94.
36. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 734.
37. Сарабеев В. Троцкий, Сталин, коммунизм. – СПб.: Питер, 2021. – 528 с.
38. Синин Е. Ю. Риторика выступления Г. Е. Зиновьева на XVII съезде ВКП(б) как приём политической легитимации И. В. Сталина // Клио. – 2022. – № 7 (187). – С. 128–137.
39. Фельштинский Ю. Г., Чернявский Г. И. Троцкий и Сталин: смертельный конфликт личностей и позиций. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2018. – 416 с.
40. Хлевнюк О. В. Был ли крамольным «съезд победителей»? // Ведомости. 7 февраля 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа.
<https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/02/07/793604-sezd-pobeditelei> (дата обращения: 17.11.2023).
41. Хлевнюк О. В. Сталин: Жизнь одного вождя: биография. – М.: Издательство АСТ; CORPUS, 2019. – 464 с.
42. Эгге О. Загадка Кирова: убийство, развязавшее сталинский террор. – М.: РОССПЭН, 2011. – 285 с.
43. XIII съезд РКП(б). Май 1924 года. Стенографический отчёт. – М.: Госполитиздат, 1963. – 884 с.
44. XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчёт. – М.: Государственное издательство, 1926. – 1026 с.
45. XV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчёт. – М., Л.: ГИЗ, 1928. – 1416 с.
46. XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчёт. – М.: Партиздат, 1934. – 717 с.
47. Halfin I. Intimate Enemies. Demonizing the Bolshevik Opposition, 1918–1928. – Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2007. – 416 p

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Когда в эпоху Перестройки начался постепенный переход к демократизации и гласности, это вызвало резкий интерес к тем эпизодам советской истории, которые ранее либо замалчивались, либо рассматривались только в русле генеральной линии партии. Именно тогда начался новый процесс реабилитации жертв политических репрессий, а также восстановление целого ряда забытых или полузабытых имен, в том числе знаковых фигур для советского общества в 1920-е гг. Глубокое внимание в те годы уделялось политической оппозиции 1920-х гг., идеи которых рассматривались в формате возможных альтернатив сталинскому социализму. Вместе с тем современная наука продолжает изучать политические противоречия 1920-1930-х гг. на основе новых

подходов и на вновь открывшемся документальном материале.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является политическая позиция Г.Е. Зиновьева в период с 1927 – 1934 гг. Автор ставит своими задачами проанализировать перемены в политическом курсе Зиновьева в рассматриваемый период, определить его цели как политика, а также показать, можно ли отнести его политическое поведение к категории «двурушничества».

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает историко-генетический метод, в основе которого по определению академика И.Д. Ковальченко находится «последовательное раскрытие свойств, функций и изменений изучаемой реальности в процессе ее исторического движения, что позволяет в наибольшей степени приблизиться к воспроизведению реальной истории объекта», а его отличительными сторонами выступают конкретность и описательность.

Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор на основе различных источников стремится охарактеризовать политическое поведение Г. Е. Зиновьева в период от исключения из рядов большевистской партии в 1927 г. до убийства С.М. Кирова в 1934 г. Научная новизна определяется также привлечением архивных материалов.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент отметим его разносторонность: всего список литературы включает в себя до 50 различных источников и исследований, что само по себе говорит о том объеме подготовительной работы, проделанной автором. Источниковая база статьи представлена как опубликованными материалами (периодическая печать, стенографические отчеты партийных съездов) и документами из фондов Российского государственного архива социально-политической истории. Из используемых исследований укажем на труды Д.И. Апалькова, Ю.Н. Жукова, Е.Ю. Снина, О.В. Хлевнюка, в которых рассматриваются различные аспекты истории политической борьбы в СССР в 1920-1930-е гг. Заметим, что библиография статьи обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как политической историей СССР, в целом, так и политической борьбой в 1920-1930-е гг., в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что «анализ практики внутрипартийной и политической жизни Советского государства на рубеже 1920-1930-х гг. на примере поведения одного из лидеров партии и активного участника оппозиции даёт возможность проследить непосредственный закат оппозиционеров». В работе показано, что после исключения из рядов ВКП(б) поведение Г. Е. Зиновьева «определялось главной целью – возвратом в партию, желательно – на руководящую работу», для достижения которой он обращался в различные инстанции, в том числе к И.В. Сталину. Примечательно, что как отмечает автор рецензируемой статьи, «конкретное содержание просьб Г. Е. Зиновьева было тесно связано с обстановкой внутри партруководства и менялось сообразно ей, из чего можно заключить об осознанном характере его многочисленных «покаяний» и заявлений об отказе от всякой оппозиционной деятельности».

Главным выводом статьи является то, что в рассматриваемый период «Г. Е. Зиновьев не вёл антипартийной работы и не отвергал основы партийной линии, однако, внутри него шла борьба между публичным «покаянием» и сохранявшимися идейными установками». Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Исторический журнал: научные исследования».